

Коммуникативная толерантность vs коммуникативная справедливость высказываний различной прагматической направленности

О.В. Новоселова

В статье проводится сопоставительный анализ категории коммуникативной толерантности и категории коммуникативной справедливости. Автор приходит к выводу, что интерактивное пространство категории коммуникативной справедливости шире и оно выходит за рамки бесконфликтного сотрудничества собеседников, так как в повседневном взаимодействии собеседники различного социального статуса встречаются с большим количеством типовых жизненных сценариев, в которых невозможно преднамеренно или случайно избежать директивных, менасивных или деструктивных типов высказываний.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникативная толерантность, коммуникативная справедливость, категория, прагматика

НОВОСЕЛОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации ТГСХА. olvnov@mail.ru

Цитирование: Новоселова О.В. Коммуникативная толерантность vs коммуникативная справедливость высказываний различной прагматической направленности // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 2. С. 125–147. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Communicative tolerance vs communicative fairness of different pragmatic orientation utterances

Olga V. Novoselova

The article compares the category of communicative tolerance and the category of communicative fairness. The author comes to the conclusion that the interactive space of the category of communicative fairness is wider and it goes beyond the conflict-free cooperation of interlocutors, because interlocutors of different social status meet with a large number of typical life scenarios in

everyday interaction and it is impossible to avoid intentionally or accidentally directive, menasive or destructive statements.

KEYWORDS: communicative tolerance, communicative fairness, category, pragmatics

NOVOSELOVA Olga Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate Professor, assistant professor of the theory of language and intercultural communication of Tver State Agricultural Academy. olvnov@mail.ru

Citation: Novoselova O.V. Communicative tolerance vs communicative fairness of different pragmatic orientation utterances // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2017. № 2. P. 125–147. Access mode: www.tverlingua.ru

В настоящее время на фоне повышенного интереса к когнитивному аспекту языка выявление сущности языковых и коммуникативных категорий в ментальном пространстве носителей языка является актуальным и перспективным направлением лингвистических исследований. Действительно, описание коммуникативных категорий как упорядоченной системы знаний и ментальных представлений участников диалога «о нормах и правилах общения» (Стернин, 2005: 328), а также о языковых единицах и особенностях их функционирования в интерактивном пространстве диалога (Романов, Романова, 2009) позволяет обобщить опыт изучения коммуникативного поведения говорящей личности, проанализировать и классифицировать «поток жизненных событий и встреч с определенными предметными областями и интерактивными сферами» (Романова, 2009: 16-17), превратив его из «хаоса отдельных ощущений в структурированный образ» (Сироткина, 2012: 10).

В этом плане примечательно многообразие противоречивых трактовок таких неоднозначных коммуникативных категорий, которые регулируют речевое поведение партнеров по общению. К ним относятся категории *толерантности, искренности, достоверности, истинности, милосердия* и

справедливости. Повышенный интерес современных лингвистов к перечисленным коммуникативным категориям с позиций различных методологических подходов, акцентирующих внимание на различных аспектах той или иной категории, свидетельствует о том, что говорящий субъект, языковая личность или *homo loquens* в состоянии не только понять пропозициональное содержание высказываний различной тематической и прагматической направленности, но и оценить диалогическое взаимодействие с позиций своих субъективных представлений об указанных категориях.

Обращает внимание и тот факт, что исследования, посвященные анализу категориальной сущности отдельных языковых явлений и описанию тех или иных коммуникативных категорий, основываются, как правило, не только на выявлении содержательного объема рассматриваемых категорий, но и на их связи с другими смежными коммуникативными категориями, так как эти категории способны взаимно «накладываться друг на друга и пересекаться друг с другом» (ср.: Стернин, 2005: 328). В результате получается, что в фокусе современных исследований оказывается речевое поведение говорящего как когнитивного агента, на которое одновременно воздействуют различные коммуникативные категории, находящиеся по своим содержательным и прагматическим характеристикам в семантических отношениях частичного включения, отождествления или противопоставления друг другу. По этой причине оценка различных прагматических типов высказываний с позиций той или иной коммуникативной категории в конкретной ситуации взаимодействия является собой достаточно сложную задачу.

Особый интерес представляет оценка высказываний с позиций ***категории коммуникативной толерантности*** и ***категории коммуникативной справедливости***, пригодные для описания эффективности взаимодействия собеседников, но которые достаточно трудно разграничить в содержательном плане. Поэтому представляется вполне

оправданным и возможным провести сопоставительный анализ данных коммуникативных категорий на основе ряда их содержательных признаков, чтобы определить их содержательный объем и выявить механизм интерпретации высказываний различной прагматической направленности с позиций данных категорий. Предлагаемый в работе подход позволяет определить наличие или отсутствие зоны пересечения интерактивного пространства категории коммуникативной толерантности с интерактивным пространством категории коммуникативной справедливости и решить вопрос об *уникальности* категории коммуникативной справедливости или ее *тождественности* (синонимичности) категории коммуникативной толерантности.

В частности, целесообразно выяснить критерии соотнесенности данных коммуникативных категорий в содержательном плане и ответить на вопросы, на основе каких критериев они выделяются, какими гиперонимическими и дифференциальными, необходимыми и вариативными признаками они обладают? Кроме того, важно установить, возможны ли ситуации интерактивного взаимодействия участников диалога, в которых анализируемые коммуникативные категории становятся тождественными (функционально синонимичными) друг другу?

Для ответа на поставленные вопросы необходимо обратить особое внимание на значительное количество имеющихся лингвистических исследований, посвященных изучению категории коммуникативной толерантности, в которых данная категория описывается с точки зрения различных подходов и ракурсов (ср.: Вепрева, 2004; 2005; Гловинская, 2003; Голев, 2005; Гольдин, 2005; Дымарский, 2004; Ермакова, 2004; Ефимова, 2015; Крысин, 2004; Купина, 2004; Михайлова, 2004; 2015; Стернин, Шилихина, 2001; Формановская, 2005 и др.), и практически отсутствие работ в лингвистике, посвященных категории коммуникативной справедливости, которая до настоящего времени не являлась предметом пристального внимания лингвистов (см. однако: Романов, Новоселова, 2016; 2016а).

Другими словами, задачей настоящего исследования является не тщательный анализ всего многообразия известных трактовок и интерпретаций категории коммуникативной толерантности, а попытка сопоставительного анализа двух коммуникативных категорий, характеризующихся разной степенью изученности. По этой причине данная работа направлена на выявление и систематизацию ряда содержательных признаков и прагматических характеристик категории коммуникативной толерантности и рассмотрение их в аспекте категории коммуникативной справедливости.

Конечно, отсутствие отдельных функционально-семантических исследований, посвященных категории коммуникативной справедливости, затрудняет решение вопроса о коммуникативной сущности данной категории, представляя собой довольно сложную проблему. Однако есть достаточные основания рассматривать категорию коммуникативной справедливости как самостоятельный когнитивный феномен, проявляющийся в интерактивном взаимодействии и оказывающий воздействие на речевое поведение партнеров по общению.

Так, существование, функционирование и активное применение категории коммуникативной справедливости к актам социального взаимодействия проявляется прежде всего в том, что каждый участник диалога в состоянии определить на основании языковых, иллокутивных и прагматических знаний (см.: Романов, 1991) коммуникативную справедливость его дискурсивной практики, а также практики, адресованной ему, в каждой конкретной ситуации. Если в социальной интеракции возможны утверждения типа (здесь и далее ключевые фразы выделены жирным полукурсивом): рус. (1) *Княжна Марья тяжело вздохнула и этим вздохом признала **справедливость слов Наташи*** (Толстой, 1991); рус. (2) ... *этот человек оглох навсегда для всякого **справедливого слова*** (Шукшин, 1982: 356); англ. (3) *It is **unjust and cruel to accuse me of distrusting you*** (Collins, 2010) и др. (см. также: Новоселова, 2015; 2016; 2016а), то можно полагать, что категория коммуникативной справедливости применима к

прагматической оценке вклада в диалог того или иного собеседника. Следовательно, представления собеседников о коммуникативной справедливости социальной интеракции оказывают определенное влияние на интенциональность их речевых действий (также: дискурсивных практик, высказываний), интенсивность и эффективность их прагматического воздействия.

Переходя непосредственно к анализу содержательных признаков рассматриваемых коммуникативных категорий, отметим, что одним из основных признаков, используемых для описания категориальной сущности коммуникативной толерантности, является ***признак успешности (эффективности) диалогического взаимодействия*** партнеров по общению. С этих позиций «лингвистика толерантности» (Михайлова, 2015) или категория коммуникативной толерантности рассматривается как «категория, регулирующая процесс общения и служащая конституирующим *признаком успешного диалога*» (Михайлова, 2004: 21). Аналогично отмечается, что категория коммуникативной толерантности реализуется в таком коммуникативном поведении собеседников, при котором «субъект признает равноправие сторон в диалоге, отрицает насилие и агрессию как способ разрешения конфликта и выбирает стратегии и тактики, приводящие к гармонизирующему коммуникативному результату» (см.: Шалина, 2000), а культурные практики толерантности «предписывают говорящему не наносить своей речью и своим поведением ущерба другому, а напротив, всячески его поддерживать и создавать тем самым благоприятный климат общения» (Формановская, 2005: 348).

В этом же русле находится исследование Дымарского (2004: 74; 83) относительно категории коммуникативной толерантности, который определяет связь между понятием коммуникативной неудачи и принципом толерантности, и утверждает, что речевое поведение языковой личности может быть квалифицировано как в высшей степени толерантное, т.е. «собеседник понимает затруднения, испытываемые партнером, и прилагает

все усилия к их устранению», но такой диалог оказывается неэффективным (там же). Обращает на себя внимание и тот факт, что вопросы толерантности коммуникативного взаимодействия возникают именно «по линии способов снятия конфликтности» (Голев, 2005: 173), «в ситуации конфликта, или – шире – разногласий» (Михайлова, 2004: 19), так как «если конфликт или разногласия между субъектами отсутствуют, т.е. одному из субъектов взаимодействия нет дела до ценностей другого, то следует говорить о безразличии – категория толерантности не является организующей такого взаимодействия» (Михайлова, 2004: 19). Попутно следует заметить, что в лингвистике уже подробно описаны организующие, контролирующие и координирующие регулятивные действия (Романов, 1988).

Рассматриваемый гиперонимический признак *ориентации на успешное (эффективное) взаимодействие*, т.е. согласованный диалог, в котором каждому из его участников удается успешно реализовать свои коммуникативные цели, применим и к категории коммуникативной справедливости, но раскрывается в ней несколько иначе. В частности, если в категории коммуникативной толерантности делается акцент на эффективность диалога как на взаимодействие с «благими» по отношению к адресату намерениями, *реализованными в корректной форме* (Шамсутдинова, 2006), а также на «умение скрывать неприятные чувства при столкновении с некоммуникабельными качествами партнеров» (Ефимова, 2015: 84), то эффективность взаимодействия с позиций категорий коммуникативной справедливости подразумевает реализацию иллюкутивных намерений собеседников, ***наиболее приемлемых*** в той или иной типовой ситуации диалогического взаимодействия и ***обусловленных пресуппозиционными факторами действительности*** (Романов, Новоселова, 2016).

Из сказанного следует, что эффективным коммуникативно толерантным взаимодействием считается диалог собеседников в рамках типового фрейма, который способствует так называемой «внешней»

эффективности и бесконфликтности диалога, проявляющейся в желании собеседников избежать конфликтных ситуаций, чтобы не «наносить ущерба другому». В свою очередь, эффективность коммуникативно справедливого взаимодействия не допускает ситуации «преднамеренного отказа» собеседников от реализации тех или иных типовых фреймов в интерактивной ситуации взаимодействия, т.е. тех фреймов, реализация которых необходима для продолжения типового диалога собеседников в актуальных для них пресуппозициональных условиях.

Например, в следующем дискурсивном отрывке (1) на основании учета гиперонимического признака *ориентации на успешное (эффективное) взаимодействие*, проявляющегося во взаимодействии с «благими» по отношению к адресату намерениями и отказу «наносить ущерб другому», имеют место коммуникативно нетолерантные дискурсивные практики со значением приказа (выделены жирным полукурсивом):

(1) *Er kommandiert:*

– ***Zwanzig Schritt zurück, marsch, marsch!*** (1')

In mir sitzt die dumpfe Wut. Aber ich kann nichts gegen ihn machen, er läßt mich sofort festnehmen, wenn er will. So spritze ich zurück, gehe vor und zucke sechs Meter vor ihm zu einem zackigen Gruß zusammen, den ich erst wegnehme, als ich sechs Meter hinter ihm bin.

Er ruft mich wieder heran und gibt mir jetzt leutselig bekannt, daß er noch einmal Gnade vor Recht ergehen lassen will. Ich zeige mich stramm dankbar.

– ***Wegtreten!*** – *kommandiert er.* (2')

Ich knalle die Wendung und ziehe ab (Remarque, 2017).

Перевод (1):

Он командует:

– ***Двадцать шагов назад, шагом – марш!*** (1')

Во мне кипит затаенная ярость. Но я перед ним бессилён, - если он захочет, он может тут же арестовать меня. И я расторопно отсчитываю двадцать шагов назад, снова иду вперед, в шести шагах от майора

молодецвато вскидываю руку под козырек, делаю еще шесть шагов и лишь тогда рывком опускаю ее.

Он снова подзывает меня к себе и уже более дружелюбным тоном объявляет мне, что на этот раз он намерен смилостивиться. Стоя навытяжку, я ем его глазами в знак благодарности.

– Кругом – марш! – командует он. (2')

Я делаю чеканный поворот и ухожу (Ремарк, 1982: 97).

Действительно, директивные высказывания (1') и (2') рассматриваемого дискурсивного отрывка (1) являются коммуникативно нетолерантными по отношению к адресату, так как каузируют его совершить действия в интересах говорящего. Однако анализ психо-социального контекста (Романов, 1984) реализации данных директивных высказываний со значением приказа свидетельствует о том, что их автор обладает определенным социальным статусом для произнесения их в рассматриваемой типовой ситуации, о чем также известно его собеседнику. В частности, адресат высказываний со значением приказа (1') и (2'), сопоставив свое нежелание выполнять каузируемые действия и невозможность отказаться от их выполнения без наступления негативных последствий, выполняет требуемые действия в интересах адресанта.

Другими словами, рассматриваемые коммуникативно нетолерантные высказывания со значением приказа (1') и (2') являются прагматически эффективными не только для адресанта, но и для адресата (так как в противном случае наступят крайне негативные последствия). Из этого следует, что эффективность диалогического взаимодействия собеседников не всегда определяется реализацией коммуникативно толерантных высказываний.

Несколько иную интерпретацию приобретает признак эффективности диалогического взаимодействия для категории коммуникативной справедливости, который предполагает успешную реализацию высказываний, наиболее приемлемых и прагматически оправданных в той

или иной типовой ситуации диалогического взаимодействия и обусловленных пресуппозиционными факторами действительности. Так, анализируемые директивные высказывания вводят адресата в аффицированное эмоциональное состояние, но в силу своего более низкого социально-ролевого статуса он выполняет приказы, не выходя за рамки типового фрейма «приказ», что способствует успешному завершению взаимодействия по данному фрейму.

На основе такого подхода, получается, что директивные высказывания (1') и (2') дискурсивного отрывка (1) являются коммуникативно справедливыми, так как они являют собой единственный допустимый вариант реализации коммуникативного намерения говорящего, обладающего более высоким социальным статусом в условиях профессиональной коммуникации.

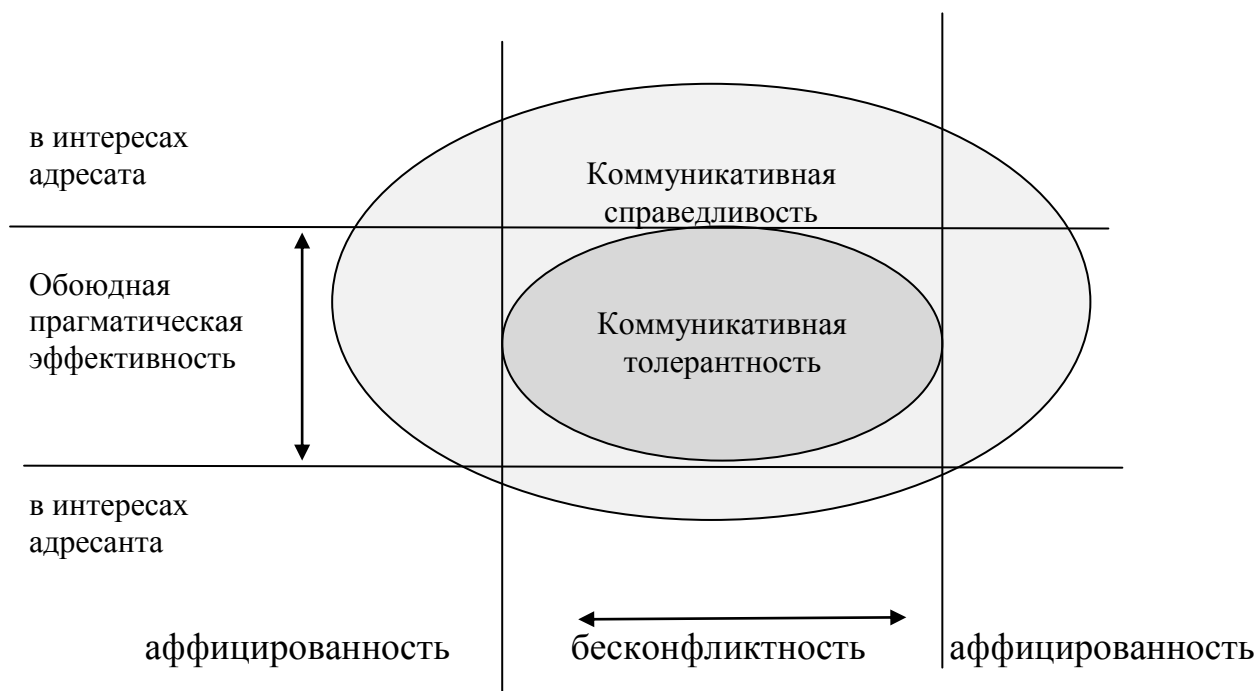
Конечно, важно сделать уточнение, что не все типы директивных высказываний (приказы, распоряжения и др.) можно считать коммуникативно справедливыми, так как они могут быть субъективным желанием адресанта воздействовать на собеседника, каузирував его к совершению каких-либо действий без учета социально-ролевых отношений между ними. Следовательно, такие высказывания, «не создающие атмосферы доброжелательности», будут считаться коммуникативно нетолерантными или интолерантными, а также коммуникативно несправедливыми.

Таким образом, интерактивное пространство категории коммуникативной толерантности ограничено, с одной стороны, взаимодействием собеседников в рамках бесконфликтного диалога, который ингибирует этот процесс, не допуская реализации деструктивных высказываний или противодействующих коммуникативной инициативе говорящего регулятивных действий (Романов, 1988) и предполагает обоюдную прагматическую эффективность. С другой стороны, интерактивное пространство категории коммуникативной толерантности

ограничено взаимодействием, в результате которого сохраняется комфортное эмоциональное состояние каждого из партнеров по общению.

В свою очередь, интерактивное пространство категории коммуникативной справедливости шире и оно выходит за рамки бесконфликтного сотрудничества собеседников, так как в повседневном взаимодействии собеседники различного социального статуса встречаются с большим количеством типовых жизненных сценариев, в которых невозможно преднамеренно или случайно избежать директивных, менасивных или деструктивных типов высказываний. Кроме того, у партнеров по общению не так много возможностей избежать как инициативных, так и ответных высказываний, оказывающих определенное аффицированное или дискомфортное эмоциональное воздействие на адресата.

На схеме ниже представлено соотношение категории коммуникативной толерантности и коммуникативной справедливости по признаку эффективности диалогического взаимодействия собеседников:

Итак, опираясь на категорию коммуникативной толерантности и принимая во внимание ее ограниченное интерактивное пространство, не представляется возможным вскрыть механизм функционирования ряда прагматических типов высказываний, понять причины их появления в той или иной пресуппозициональной ситуации и выяснить их влияние на ход дальнейшего взаимодействия собеседников. Наоборот, категория коммуникативной справедливости охватывает большой «диапазон» высказываний, она не привязана к какой-либо сфере применения, а в ее интерактивное пространство входят типовые речевые образцы различной иллокутивной направленности.

Следовательно, ориентация коммуникантов на толерантное речевое поведение будет способствовать формально бесконфликтному диалогу, участники которого *не смогут в полной мере реализовать свое коммуникативное намерение*, выразить отношение к обращенному к ним высказыванию и, соответственно, не смогут оценить искренность и эффективность коммуникативных намерений собеседника. По этой причине именно категория коммуникативной справедливости – как категория, отражающая синергичную природу диалогического взаимодействия – наиболее пригодна для описания всего архива дискурсивных практик социальной интеракции и оценки эффективности их реализации в дискурсивном пространстве.

Ссылки – References in Russian

Вепрева, 2004 – *Вепрева И.Т.* О регулирующей функции извинения в обыденной коммуникации // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: коллективная моногр. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2004. С. 244-254.

Вепрева, 2005 – *Вепрева И.Т.* Вербализация метаязыкового сознания как реализация принципа толерантности // *Философские и*

лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная моногр. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 153-164.

Гловинская, 2003 – *Гловинская М.Я.* Постулат искренности VS постулат толерантности и их производные в разных культурных и языковых моделях поведения // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности.* Екатеринбург, 2003. С. 362-371.

Голев, 2005: 173 – *Голев Н.Д.* Толерантность как вектор антиномического бытия языка // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная моногр.* М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 172-186.

Гольдин, 2005 – *Гольдин В.Е.* Толерантность как принцип культуры речи // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр.* М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 515-526.

Дымарский, 2004: 74; 83 – *Дымарский М. Я.* Принцип толерантности и некоторые виды коммуникативных неудач // *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: коллективная моногр.* Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2004. С. 74-84.

Ермакова, 2004 – *Ермакова О.П.* Толерантность и проблемы коммуникации // *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: коллективная моногр.* Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2004. С. 60-73.

Ефимова, 2015: 84 – *Ефимова Д.В.* Сравнительный анализ общей коммуникативной толерантности у подростков с нормальным и задержанным психическим развитием // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс.* 2015, Т.2, №6 (28). С. 84-91.

Крысин, 2004 – *Крысин Л.П.* Толерантность как социолингвистическая категория // *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: коллективная моногр.* Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2004. С. 27-32.

Купина, 2004 – *Купина Н. А.* О прагмоидеологической составляющей толерантной / интолерантной коммуникации // *Культурные практики*

толерантности в речевой коммуникации: коллективная моногр. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2004. С. 33-32.

Михайлова, 2004: 19; 21 – *Михайлова О.А.* Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: коллективная моногр. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2004. С. 15-26.

Михайлова, 2015 – *Михайлова О.А.* Лингвокультурологические аспекты толерантности: учеб.-метод. пособие; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2015.

Новоселова, 2015 – *Новоселова О.В.* Категория коммуникативной справедливости как прагматический феномен // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015. № 1. С. 34-47. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Новоселова, 2016 – *Новоселова О.В.* Прагматограмматическая специфика дискурса коммуникативной справедливости // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сборник научных трудов XVI Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2016. С. 178-183.

Новоселова, 2016а – *Новоселова О.В.* Феномен «справедливого слова» или о прагматической категории коммуникативной справедливости // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016а. № 1. С. 62-71. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, 1984 – *Романов А.А.* О формальном представлении смысловой организации текста // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. М., 1984. С. 102-111.

Романов, 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Ин-т языкознания АН СССР, Калининский СХИ, 1988.

Романов, 2006 – *Романов А.А.* Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Лингвистическая мозаика: Избранное. М.: ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА, 2006. С. 23-37.

Романов, Новоселова, 2016 – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Коммуникативно справедливый перевод высказываний различных прагматических типов // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. Симферополь: Изд-во КФУ им. В.И. Вернадского. 2016. №1 (13). С. 138-148.

Романов, Новоселова, 2016а – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Коммуникативная справедливость: прагматический подход // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сборник научных трудов. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2016а. С. 146-151.

Романов, Романова, 2009 – *Романов А.А.* Притяжение перформатива. Очерки по теории перформативности от Дж. Л. Остина до наших дней / А.А. Романов, Л.А. Романова. М.: Институт языкознания РАН, «Агросфера» Тверской ГСХА, 2009.

Романова, 2009: 16-17 – *Романова Л.А.* Структурно - семантические аспекты перформативов в функциональной парадигме языка. М.: ИЯ РАН, 2009.

Сироткина, 2012: 10 – *Сироткина Т.А.* Языковая репрезентация категории этничности в русской лингвокультуре: автореф. дис. д.филол.н., Волгоград, 2012.

Стернин, 2005: 328 – *Стернин И.А.* Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная моногр. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 324-337.

Стернин, Шилихина, 2001 – *Стернин И.А., Шилихина К.М.* Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2001.

Формановская, 2005: 348 – *Формановская Н.И.* Ритуалы вежливости и толерантность // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 337-354.*

Шалина, 2000 – *Шалина И.В.* Причины и виды культурно-речевой дисгармонии // *Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000. С. 272-287.*

References

Vepreva, I.T. (2004) On the regulating function of an apology in everyday communication // *Cultural practices of tolerance in speech communication, Ekaterinburg, pp. 244-254 (in Russian).*

Vepreva, I.T. (2005) Verbalization of the metalanguage consciousness as realization of the principle of tolerance // *Philosophical and linguistic and cultural problems of tolerance, Moscow, pp. 153-164 (in Russian).*

Glovinskaya, M.Ya. (2003) Postulate of sincerity VS postulate of tolerance and their derivatives in different cultural and linguistic behavior patterns // *Philosophical and linguistic and cultural problems of tolerance, Moscow, pp. 362-371 (in Russian).*

Golev, N.D. (2005) Tolerance as a vector of the antinomic being of language // *Philosophical and linguistic and cultural problems of tolerance, Moscow, pp. 172-186 (in Russian).*

Gol'din, V.E. (2005) Tolerance as a principle of a culture of speech // *Philosophical and linguistic and cultural problems of tolerance, Moscow, pp. 515-526 (in Russian).*

Dymarskij, M. Ya. (2004) The principle of tolerance and some types of communicative failures // *Cultural practices of tolerance in speech communication, Ekaterinburg, pp. 74-84 (in Russian).*

Ermakova, O.P. (2004) Tolerance and communication problems // *Cultural practices of tolerance in speech communication*, Ekaterinburg, pp. 60-73 (in Russian).

Efimova, D.V. (2015) Comparative analysis of general communicative tolerance in adolescents with normal and delayed mental development // *XXI century: the results of the past and the problems of the present plus*. T.2, №6 (28). C. 84-91 (in Russian).

Krysin, L.P. (2004) Tolerance as a sociolinguistic category // *Cultural practices of tolerance in speech communication*, Ekaterinburg, pp. 27-32 (in Russian).

Kupina, N. A. (2004) On the pragmoidological component of tolerant / intolerant communication // *Cultural practices of tolerance in speech communication*, Ekaterinburg, pp. 33-32 (in Russian).

Mihajlova, O.A. (2004) Tolerance in speech communication: cognitive, pragmatic and ethical grounds // *Cultural practices of tolerance in speech communication*, Ekaterinburg, pp. 15-26 (in Russian).

Mihajlova, O.A. (2015) *Linguistic and cultural aspects of tolerance*, Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta (in Russian).

Novoselova, O.V. (2015) The category of communicative fairness as a pragmatic phenomenon // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 1. P. 34-47. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian)

Novoselova, O.V. (2016) Pragmatogrammatical specificity of the discourse of communicative fairness // *Intercultural communication: theory and practice*, Tomsk, pp. 178-183 (in Russian).

Novoselova, O.V. (2016) The phenomenon of a "fair word" or about the pragmatic category of communicative fairness // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 1. P. 62-71. Access mode: <http://tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A. (1984) On the formal representation of the semantic organization of the text // *Text as an object of linguistic analysis and translation*, Moscow, pp. 102-111 (in Russian).

Romanov, A.A. (1988) *System analysis of regulatory means of dialogical communication*, Moscow, Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR, Kalininskii SHI (in Russian).

Romanov, A.A. (2006) Illocutionary knowledge, illocutionary actions and illocutionary structure of a dialogical text // *Linguistic mosaic: Selected*, Moscow: IYA RAN, Tver State University, TGSHA, pp. 23-37 (in Russian).

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2016) Communicatively fair translation of statements of various pragmatic types // *World literature on the crossroads of cultures and civilizations*, Simferopol, №1 (13). pp. 138-148 (in Russian).

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2016) Communicative justice: a pragmatic approach // *Intercultural communication: theory and practice*, Tomsk: Publishing house of Tomsk Polytechnic University, pp. C. 146-151 (in Russian).

Romanov, A.A. (2009) *Attractive performative*. Essays on the theory of performativity from J.L. Austin to the present day / A.A. Romanov, L.A. Romanova, Moscow, Institute of Linguistics RAN, Tver State Agricultural Academy (in Russian).

Romanova L. A. (2009) *Structural and semantic aspects of performatives in the functional paradigm of language*, Moscow, IYA RAN, (in Russian).

Sirotkina, T.A. (2012) *Language representation of the category of ethnicity in Russian linguoculture*, Volgograd (in Russian).

Sternin, I.A. (2005) Tolerance and communication // *Philosophical and linguistic and cultural problems of tolerance*, Moscow, pp. 324-337 (in Russian).

Sternin, I.A., Shilihina, K.M. (2001) *Communicative aspects of tolerance*, Voronezh (in Russian).

Formanovskaya, N.I. (2005) Rituals of politeness and tolerance // *Philosophical and linguistic and cultural problems of tolerance*, Moscow, pp. 337-354 (in Russian).

Shalina, I.V. (2012) Reasons and types of cultural-speech disharmony // *Cultural-speech situation in modern Russia*, Ekaterinburg, pp. 272-287 (in Russian).